

Языки и культуры народов мира *Languages and Cultures of the Peoples of the World*

©2022

Э.Ф. Шафранская, Ш.Р. Кешфилинов

Буквы МАШТОЦА – паттерн армянского ТЕКСТА

Аннотация. В статье продолжена аналитика армянского текста русской словесности, начатая в предыдущих статьях: «Армянский текст: дети Иова» (Полингвиальность и транскультурные практики. 2022), «Армянский текст: стихи и проза» (Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022), «Арагат – главный паттерн армянского текста в русской поэзии» (Вестник славянских культур. 2023; в печати). В предлагаемом материале авторы статьи сфокусированы на паттерне армянского текста: *армянские буквы и их создатель Месроп Маштоц*. На основе поэтических текстов О. Мандельштама, М. Матусовского, П. Вегина, М. Фридмана, прозаических – Ю. Карачиевского, А. Битова, научных – С. Муравьева, Г. Кубатьяна воссоздана рецептивная практика букв армянского алфавита и мифологизированной личности Месропа Маштоца.

Ключевые слова: Месроп Маштоц, буквы, армянский текст, армянский алфавит, русская литература.

Введение

Армянский текст русской словесности представляет одну из разновидностей культурно-литературного феномена – локальных текстов. По сравнению с прочими локальными текстами армянский стал исследоваться сравнительно недавно (см., например: [1; 13; 14; 17; 18]). Будучи выраженным в основном литературой, армянский текст интегрирует в себе междисциплинарное поле – из области культуры, искусств, географии,

истории, этнографии, фольклора. Суть любого локального текста, армянского в том числе, – это корпус разнородных паттернов, представлений о месте, присутствующих в «семантической вселенной», или культурном метатексте. Армянский текст – это конструкт, возникший в рецептивных практиках русской культуры. Транслируемые, повторяемые устно и письменно паттерны – вкуче и есть армянский текст, который стал набирать обороты в XX веке, в эпоху миграций, эскапизма, путешествий. Как складываются эти паттерны? где они находят воплощение? что первично в плане передачи армянского текста – стихи или проза? – на эти вопросы мы попытались ответить в ряде статей, посвященных изучению армянского текста (см.: [17; 18]).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00339, <https://rscf.ru/project/22-18-00339/>

Шафранская Элеонора Федоровна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НОЦ «Смоленский центр количественной филологии» Смоленского государственного университета, профессор кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. / Shafranskaya Eleonora Fedorovna, PhD (top level) in Philology, Professor, Leading Researcher of the REC “Smolensk Center for Quantitative Philology” of the Smolensk State University, Professor of the Department of Russian Literature of the Moscow City Pedagogical University.

Кешфилинов Шевкет Рустемович – стажер-исследователь НОЦ «Смоленский центр количественной филологии» Смоленского государственного университета, магистрант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета; / Keshfidinov Shevket Rustemovich, intern-researcher of the REC “Smolensk Center for Quantitative Philology” of the Smolensk State University, Master’s Student of the Department of Russian Literature of the Moscow City Pedagogical University; keshfidinov-shevket@rambler.ru.

Проведенный нами в одной из социальных сетей и описанный в статье «Арагат – главный паттерн армянского текста в русской поэзии» (сдана к публикации в «Вестник славянских культур») культурологический опрос показал, что среди слов/понятий – ассоциаций к слову «Армения» самым частотным явилось слово «Арагат», во всех его значениях. Однако ассоциативный список был так велик, что каждое из слов-ответов зовет к исследованию. В этой статье мы решили остановиться на слове-ответе «буквы».

Обсуждение

Буквы – всему голова

В «семантической вселенной», или коллективном бессознательном, или метатексте – буквы наделены космогонической коннотацией. Вспоминается роман «Кысь» Татьяны Толстой, где собирание нового мира, космоса из хаоса, припи-

сывается родоначальнику Федору Кузьмичу: он и колесо изобрел, и счет дал, и, главное, буквы, большие и малые. Федор Кузьмич, конечно, пародийно-трикстерный образ, в нашем случае значимо то, что к космогоническим основам относятся буквы. Так, исследователь Г.Т. Гарипова отмечает, что «алфавит определяет динамику антиутопии Т. Толстой, рисуемой онтологическую модель “жизни после жизни”, равной “культуре после культуры”, или иначе – целому циклу “пост-”, определяющему иное состояние культуры, а, следовательно, и мира, ибо в новых условиях “жизнь лишь подражает книге” (Р. Барт).

Архетип книги в создаваемом Толстой художественном мифом мире диктует не только фабулу и сюжет, но и становится его генетически-культурологическим кодом» [5, 244].

А вот в повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Сухбата Афлатуни буквы, сюжетный мотив их утраты, поиска и возрождения, задают не только морализаторский вектор прочтения (что органично для притчи), но и вполне реальный исторический палимпсест, сопряженный с фазой стагнации (см.: [19]). Утрата букв древнего алфавита приводит жизнь села в повести к апокалиптическому рубежу. Нет, персонажи повести не безграмотны, они умеют читать и писать, но они пользуются чужими буквами, чужим языком, не всегда понятным, не отвечающим органике их истории и культуры. «Алейг, Яхиль, Сардош, Марафлион, Вараам... <...> Юрудж, Шафхор, Барфид, Осс, Кижжир, Юприхам, Форфур... <...> Хукут, Ёриол, Катахтам...» [2, 3] – эти найденные в сюжете Афлатуни буквы, конечно, вымышленные, но они реальны для сюжета, они символизируют не только забытый алфавит. Их обретение много важнее: с их помощью жители села вспомнят свою утраченную историю и культуру, они смогут вернуть исконную самоидентификацию.

Буквы в картине мира армян – реального и художественного – играют именно такую роль, тождественную приведенным выше литературным примерам.

Характерный факт: центральный проспект армянской столицы в XX веке носил имя Ленина (в известной степени – советского «тотема») – с 1950-х и до 1990 года. А прежде, с 1920-х, – Сталина. Эти имена, безусловно, в космогонической картине советского мира были сакральными, однако с 1991 года из культурных героев они в одночасье превратились в трикстеров. Но сам проспект остался – главной городской локацией: ему присвоили имя Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита, армянских букв.

Вряд ли в какой другой столице мира главная улица посвящена создателю букв – а в Ереване именно так: армянские буквы – главный паттерн самоидентификации армянского народа.

Тайна Маштоца

Так названа статья Сергея Муравьева, антика по специальности, – «Тайна Месропа Маштоца», опубликованная в «Литературной Армении» в 1985 году [11] (ее вариант перепечатан в «Армянском гуманитарном вестнике» в 2012 году [12]). Маштоц, живший на стыке IV–V веков, считался изобретателем графем, армянских букв. За столь долгий срок его имя не могло не обрести мифологические черты, обрасти интригующими деталями, что естественно. Но они нисколько не умаляют значения этой личности и его деяния. С. Муравьев путем сопоставления и реконструкции пришел к выводу, что Маштоц, в детстве обученный греческой грамоте [11, 84], не изобрел армянские графемы сызнова, а приспособил буквы греческого алфавита (через посредство «Данииловых писем») для армянского, недостающие для армянских звуков буквы изобрел в той же системе.

С опорой на сведения из «Жития Маштоца» Корюна (сер. V в.), «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (2-я пол. V в.) – учеников Маштоца, а также при помощи свидетельств историков Лазаря Парбеци (кон. V в.), Давида Харкаци (VII в.), Самуила Анеци (X в.), Степаноса Таронци Асолика (XI в.), Киракоса Гандзакети (XIII в.), Вардана Великого (XIII в.) – С. Муравьев создает такой нарратив:

«Месроп Маштоц, получивший в юности греческое образование и служивший впоследствии секретарем при царском дворе, принимает монашество и уходит проповедовать христианство среди еще многочисленного языческого населения Армении. Его миссионерская деятельность наталкивается на труднопреодолимое препятствие: отсутствие книг Священного писания на армянском языке (приходилось переводить “с листа” греческие и сирийские книги). Так возникает идея перевести Библию на армянский язык. Но для этого требуется армянская письменность, хотя в обиходе такой не было, однако, возможно, ходили какие-то слухи о ее существовании. Во всяком случае Месроп отправляется к католику Сааку Партеву с предложением организовать поиск армянских букв. (Здесь нужна вставка от авторов статьи: обратим внимание на типологическую ситуацию. Как Месроп отправился на поиск букв, так и персонаж, молодой учитель из повести «Глиняные буквы, плывущие яблоки», выполняет

свою миссию: ищет буквы и восстанавливает миропорядок в одном селе, возвращая ее жителям жизнь, веру и надежду. – Авт.) Царь Врамшапух <...> сообщает Сааку и Месропу, что там (в Месопотамии) некий священник Абел обещал ему “приспособить к армянскому языку письмена, расположенные родственником его, (сирийским) епископом Даниилом” (Мовсес). По настоянию Саака и Маштоца, царь отправляет некоего Вахрича Хадуну к Абелю, тот ведет его к Даниилу, Даниил знакомит их с письменами, причем кто-то из них располагает эти буквы “по порядку греческого (алфавита)” (Мовсес).

Получив “Даниилыны письмена” <...> Саак и Маштоц “попросили еще у царя малых детей, дабы иметь возможность применить (на деле) письмена. И когда многие из них усвоили, приказал (царь) повсюду обучать этими же (письменами). Тем самым блаженный (Маштоц) был удостоен прекрасного звания вардапета. Около двух лет он занимался преподаванием и вел (занятия) этими же письменами” (Корюн). Имеются сведения, что Саак и Маштоц тут же “стали переводить на армянский язык все Священное писание” (Киракос). Однако через некоторое время они убеждаются, что “эти письмена недостаточны, чтобы выразить все силлабы (т. е. звуки) армянского языка”. <...> Месроп отправляется в Месопотамию прямо к Даниилу, а затем, “не найдя у него ничего более прежнего” (Мовсес), продолжает свои безуспешные поиски в Эдессе и Самосате. Там на отчаявшегося Месропа нисходит благодать, и некая “десница” являет ему буквы армянского алфавита» [12, 37–39].

Буквы Маштоца

Месроп Маштоц с его находкой-изобретением занял свою нишу в картине мира армян. Сакрализация и мифологизация имени и деяния Маштоца настолько мощные, что это не могло быть незамеченным путешествующими русскими поэтами. Одним из первых – О.Э. Мандельштам обращает внимание на форму армянских букв, провоцирующих на сравнения: «Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...» [9, 151]. Далее – М.Л. Матусовский пишет стихи «Тридцать шесть знаков» о тридцати шести армянских буквах, которые в сознании поэта предстают поэтическими образами, в них можно прочесть бытовую или исторический нарратив армянской жизни: *подкова на счастье, склонившая ветви плачущая ива, крутой поворот дороги в неизвестность, армянский стрелок, подсвечник с двумя свечами, два горных речных потока, певчая дека арфы, сверкнувшая*

на солнце змея, жар-птица, вставший на колени монах, потайной ход с древней арочной перемычкой, окно монастырской башни и еще ряд сравнений, которые лирический герой будет искать и воплощать в своих стихах, и все это – «золотой алфавит Маштоца» [10, 320].

Не вопреки теории С. Муравьева, а в соответствии с поэтической рецепцией армянские буквы в стихах поэта П.В. Вегина предстают фиксацией «жестов и движения людей», ведь «люди – это азбука в движении» [4, 11]. Одна из букв – *путник, припадающий к ручью*, другая – *кузнец*, «в его клещях подкова / еще горячая, и рядом – конь: / он не подкован, он еще не буква». Следующая – *два винодела, ногами давящие виноград*; еще – *мать согбенная над сыном убиенным*. Есть буквы – *пляшущие, сидящие в раздумье*; есть *пекарь, пахарь*, есть буква – *бык...* [4, 11–12]. Но нет буквы, *на палача похожей*, – «такими буквами писать – какое счастье!» – заключает стихотворение П.В. Вегин. Так армянские буквы в рецептивной русско-поэтической практике становятся паттерном Армении, армянского текста.

Памятник Маштоцу

«Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины – был создан однажды и навсегда, – он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения. Создал алфавит, он начертал первую фразу: <...> (Далее следует фраза по-армянски. Во избежание ошибки – а типографские прецеденты уже были (см.: [7, 195]), мы ее опускаем. – Авт.)

На этот раз фраза то и значила, что было ею начертано:

Познай мудрость, проникни в слова гениев.

Начертав (именно не написав, не нарисовав), он обнаружил, что не хватает одной буквы. Тогда он создал и эту букву. И с тех пор стоит армянский алфавит.

Для меня нет ничего убедительней такой истории. Можно выдумать человека и можно выдумать букву, но нельзя выдумать, что человеку не хватило одной буквы. Это могло только быть. Значит, был и такой человек. Он не легенда. Он такой же факт, как этот алфавит. Имя его Месроп Маштоц. Я бы поставил Маштоцу памятник в виде той последней буквы...» [3, 170], – пишет прозаик Андрей Битов, впечатленный поездкой в Армению и, в частности, одним из ее достояний.

И поэт Борис Слуцкий «увидел» такой памятник:

На скалах диких и отвесных,
На каменном краю земли

<...>

Я видел памятник алфавиту,
Единственный, быть может, в мире.

На камне были буквы вырублены,
Еще не ставшие словами... [15, 34].

Слуцкий продолжает русскую поэтическую традицию – сравнивать армянские буквы с деталями быта и природы, одушевляя и метафоризируя внешний облик букв: они выглядят подобно *веточкам и муравьям, и страницам, подобным пчелиным роям* [15, 34].

Критик и литературовед Георгий Кубатьян, раскрывая загадку очарованности Слуцкого Арменией (который бывал во многих советских республиках, но только Армении посвятил цикл стихотворений), поясняет, что же мог увидеть Слуцкий, когда написал о памятнике национальному алфавиту: «...трудно сказать, какой именно памятник имеется в виду. Широко известный сегодня комплекс обособленных скульптурных изображений тридцати шести Месроповых букв на склонах Арагаца близ села Арташаван воздвигнут в 2005 году (проект архитектора Дж. Торосяна). Видимо, речь идет о памятнике Месропу Маштоцу работы Григора Чубара перед входом в Матенадаран. Правой рукой создатель алфавита показывает ученику на поставленную чуть в стороне стелу с высеченными на ней по порядку буквами. Поскольку стела с алфавитом стоит как бы сама по себе, наособицу, она воспринимается как отдельный памятник. И мысль, очевидная, но никому не приходившая в голову, что вечной памяти достоин не только человек, но и творение его рук, – эта мысль поразила поэта. <...> Недаром у Ованеса Ширазы есть стихотворение, где утверждается: армяне, мол, не выстояли бы, не будь у них письмен Маштоца; в финале тридцать шесть букв названы тридцатью шестью богами, стоящими на страже народа» [8, 245].

Кубатьян обращает внимание на переключку Слуцкого с Мандельштамом, в восприятии которого Армения «лежит “на окраине мира” – на границе европейской (и – шире – иудеохристианской) цивилизации. У Слуцкого сказано вроде бы куда более привычно – на краю земли. Край земли, край света вообще-то значит – очень далеко, но в контексте стихов (словесность, алфавит, рукописи) обретает специфическое культурно-историческое наполнение» [8, 245].

Армяне! Ваши души выражены
В той надписи старинной – вами [15, 34]
(курсив наш. – Авт.).

Эта надпись – та самая, о которой упомянул Андрей Битов. Она аналогична строчкам из ветхозаветных Притчей Соломоновых. Именно она высечена на стеле Г. Чубара.

Испытания

Писатель Юрий Карабчиевский в травелоге «Тоска по Армении», написанном в советские 70-е годы, тоскует и сетует по поводу того, как на глазах исчезает Армения, исчезает ее самобытность, вливаясь в серость и единообразие советской эстетики. Беседуя с армянским писателем Грантом Матевосяном, рассказчик Карабчиевского узнает об армянском бедствии: «Детей стараются отдавать только в русские школы, потому что это облегчает дальнейшую учебу и все последующее продвижение. Все равно ведь они в быту разговаривают по-армянски и, значит, будут знать два языка. На самом деле получается наоборот. В русских школах преподают с армянским акцентом, а в быту не читают и не пишут по-армянски, и люди выходят в конце концов полуграмотные, не приобщенные ни к тому, ни к другому, по сути – люди без языка» [7, 264]. Далее процесс изживания армянской грамотности внедрялся уже во «взрослой» жизни: будучи в командировке в научном учреждении Еревана, рассказчик не нашел ни одной печатной машинки с армянским шрифтом. «Русский шрифт! И опять русский! “Что вы, что вы, – машет рукой Норик, – армянская машинка – это редкость. Есть, есть, не могу сказать, но крайне редко. Да и зачем? Все делопроизводство – только по-русски”. Я пытаюсь поймать в его голосе досаду, но там ее нет, одна констатация» [7, 193].

В этом длинном временном противостоянии победили армянские буквы. В современной Армении существует ритуал – посвящение учащихся начальной школы в образовательный процесс: или у могилы Маштоца, или у памятника Маштоцу напротив Матенадарана. Один из наших информантов пишет: «Помню, мои дети – да, проходили посвящение там, в Ошакане, на его могиле. Но в конце учебного года в первом классе. <...> Я как продукт советской школы, русской, ничего такого не помню. Думаю, что многое зависит от дирекции и/или учителя начального звена. Есть еще одно обязательное в первом классе по плану мероприятие – посещение Матенадарана». И наблюдение русской путешественницы по Армении, писательницы Ирины Горюновой: «Часовня с могилой Месропа Маштоца является одним из наиболее посещаемых мест в Армении. Каждый год, в сентябре, многочисленные первоклассники учат первую букву армянского алфавита именно в

этой церкви: после торжественной клятвы, у его могилы» [6, 63].

Заключение

В стихотворении современного поэта Михаила Фрийдмана лирический герой грустит о том, что никак не посетит Армению, перечисляя самые главные армянские достопримечательности – в регистре *не*: не увидит, не попробует, не услышит. Не поучаствует в национальном празднике Вардавар, не отведаст долмы, не станцует Шалахо, не посетит армянские монастыри Эчмиадзин, Гегардаванк, Хор Вирап; не насладится древними окрестностями Эребуни и Урарту, не полюбуется на Арарат и Севан, не восхитится языческим храмом Гарни... Зато у него, лежащего на диване, есть возможность, дегустируя коньяк, выпить за Маштоца: «За Месропа, за Маштоца – / Пухом будь, земля, ему!» [16, 247]. В этом полушутливом тексте собран воедино почти весь армянский текст русской словесности, то есть комплект паттернов, которые выступают строительным материалом этого «здания» – армянского текста. Заметим, что «цементирующим» паттерном выступает Месроп Маштоц, создатель армянских букв.

Литература

1. Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии XX века (опыт компьютерного исследования) // Известия Смоленского гос. ун-та. 2020. № 2(50). С. 5–21.
2. Афлатуни С. Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
3. Битов А. Уроки Армении // А. Битов. Образ жизни: Повести. М.: Мол. гвардия, 1972. С. 165–285.
4. Вегин П.В. Каменные колокола: Сборник. Ереван: Хорурдаин грох, 1989. 231 с.
5. Гарипова Г.Т. Художественная модель бытия в литературе XX века: Монография. Ташкент: Mumtoz so'z, 2012. 352 с.
6. Горюнова И. Армянский дневник. Цавд танем. М.: РИПОЛ классик, 2015. 204 с.
7. Карабчиевский Ю. Тоска по Армении // Ю. Карабчиевский. Тоска по дому: Роман, повести. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
8. Кубатьян Г. Одна из двух ипостасей. Армянская тема в поэзии Бориса Слуцкого // Дружба народов. 2019. № 6. С. 238–249.
9. Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 1. 684 с.
10. Матусовский М.Л. Стихотворения. Песни. М.: Худож. литер., 1986. 405 с.
11. Муравьев С.Н. Тайна Месропа Маштоца // Литературная Армения. 1985. № 2. С. 83–102.
12. Муравьев С.Н. От протосистемы Данииловых письмен до месроповского алфавита // Армянский гуманитарный вестник. 2012. № 4. С. 35–64.
13. Павлова Л.В., Романова И.В. «Армянский» текст русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 212–225.
14. Павлова Л.В., Романова И.В. Синий цвет в армянском тексте русской поэзии (интерпретация данных программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. С. 3732–3738.
15. Слуцкий Б. Стихи // Литературная Армения. 1987. № 11. С. 33–35.
16. Фрийдман М.Ф. Всемогущее нельзя: Концерт для одиночества с оркестром. М.: Перо, 2018. 384 с.
17. Шафранская Э.Ф. Армянский текст: дети Иова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 3. С. 511–520.
18. Шафранская Э.Ф. Армянский текст: стихи и проза // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6с. С. 135–143.
19. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Смирнова А.И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 132–142.

MASHTOTS LETTERS ARE A PATTERN OF THE ARMENIAN TEXT

E.F. Shafranskaya, Sh.R. Keshfidinov

Summary

The article continues the analysis of the Armenian text of Russian literature, begun in previous articles: “Armenian text: children of Job” (Polylingualism and transcultural practices. 2022), “Armenian text: poetry and prose” (Philological sciences. Scientific reports of higher education. 2022), “Ararat is the main pattern of the Armenian text in Russian poetry” (Bulletin of Slavic Cultures. 2023). In the proposed material, the authors of the article focus on the pattern of the Armenian text: Armenian letters and their creator Mesrop Mashtots. The study recreates the receptive practice of the letters of the Armenian alphabet and the mythologized personality of Mesrop Mashtots on the basis of poetic texts by O. Mandelstam, M. Matusovsky, P. Vegin, M. Fridman, prose texts by Yu. Karabchievsky, A. Bitov, scientific texts by S. Muravyov, G. Kubatian.

Keywords: Mesrop Mashtots, letters, Armenian text, Armenian alphabet, Russian literature.